

Григорий Хубулава

Родился в 1982 году. В 2005 г. окончил философский факультет СПбГУ по специальности «классическая философия, семиотика и теория познания». Автор нескольких сборников стихотворений, а также драмы в стихах «Faust 2.0». Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Жизнь, как прежде, превосходит все

* * *

Вновь планетами время играет во мгле в карамболь,
Мы танцуем с тобой в суете векового бедлама,
В узких брюках моих притаился пиковый король,
А под платьем твоим ожидает бубновая дама.
Воскрешая забытые правила древней игры,
Потревоженный мир раскалился в горячке азарта,
Провидение в небе над нами играет в шары,
Мы с тобою, целуясь, тасуем незримые карты.
Ты несешь мне подарок, который нигде не купить,
Принимаешь с порога кричаще-бордовые розы,
Если дама твоя короля собиралась побить,
Я напомню о том, кто из них этим вечером — козырь...
Мы сыграем с тобой, все на свете поставив на кон,
И уже не игра, а реальность счастливых усилий,
И неистойвой, нежной любви торжествующий стон
Возвестит нам о том, что мы оба с тобой победили.

* * *

Жизнь — всего лишь яркая приманка,
Что из грязи поднимает лавры,
Словно заводная обезьянка,
Бьющая без устали в литавры.
Смерть за ней охотится, как хищник,
Маскируясь под судьбу и случай,
И опять крадет деталью лишней
Заводного механизма ключик.
Но ничто напрасным не бывает,
И когда пространство стонет, треснув,
Детский ключик жизни открывает
Вечный дом обители небесной.
Видишь? Настоящая, живая
Обезьянка входит в двери дома,
И звучат литавры, заглушая
Ветра вой и грохотанье грома.

* * *

Кому принадлежит блуждающая лира?
Кто за решеткой струн подаст условный знак?
Что, если бы они придумали Шекспира, —
Отелло, Гамлет и неугомонный Пак?
Что, если наяву стоят они на страже,
Счастливую судьбу надеясь воплотить,
И лишь на сцене вновь, как будто персонажи,
За бессловесных нас умеют говорить?

* * *

Бог приходит к отшельнику в облике женщины
Босиком и танцует на углях костра.
Все желанья открыты и тайны помечены,
В волосах пробиваются искры пера.
Шепчет нежный Господь: «Не волнуйся... не жалуйся...
Я — огонь, я тебя поцелуем разжег,
Стало радостью то, что копилось усталостью».
И отшельник, рыдая, ложится у ног.

С крепких веток пернатые крики срываются,
Тихий голос становится тоньше луча,
Перед взором отшельника мир открывается,
Чтоб немедля исчезнуть, по швам затрещав.
Удивленный отшельник испуганно крестится,
Сердце бьется его, пропуская удар,
Незаметно сливается крест с полумесяцем,
И слова изо рта превращаются в пар.
«Ты свободен теперь, существо беззаботное,
И не стоит о прошлом тебе вспоминать,
Ведь страдания твои — корень таволги, рвотное,
Помогали сомнения сумрак изгнать.
Я вручаю тебе эти струны железные,
Чтоб молчание мертвенной тьмы побороть,
Чтоб летать и на скалы взбираться отвесные...» —
Продолжает с улыбкой, танцуя Господь.
Голова покрывается светом, как инеем,
Он поет, если резко кивнуть головой...
Бог, смеясь, одевается в облако синее,
И влетев, уплывает на фронт грозовой.
Боль сильна, но отшельнику верится все-таки
В обновленное, сделанное из стекла
Незнакомое тело со сводами кроткими,
Под которыми режется ужас крыла.

* * *

День орлом упал на решку,
Сумрак тени прячет,
Черный конь напал на пешку,
Мальчик громко плачет.
Молча справиться с тоскою
Он уже не в силе
И рыдает над доскою:
«Пешечку убили...»
Кто его жестоко мучит
И напрасно травит?
Посмотрите, смерть бы лучше
Исключить из правил.
Боли хоть чуть-чуть поменьше,

Лить бы реже слезы.
Мир земной выходит в эндшпиль
Избежать угрозы
Королю и королеве
Больше не удастся...
Мальчик подрастает в гневе,
Станет принцем датским,
Полетит орлом за решкой,
Пусть ее хватает.
И во тьме над новой пешкой
Головой качает.

* * *

Просыпаешься с ниткой, свисающей изо рта,
Свет становится пыткой, звенящая немота
Обнимает тебя, не давая тебе вдохнуть,
Крепко нитку хватаешь, пытаешься ее тянуть.
По слогам еле-еле вытаскиваешь слова,
Открывается рот, наклоняется голова,
Ты становишься серым колодцем, лишенным дна,
За словами выходят гора, города, война,
Все планеты, созвездия, дети и мертвецы,
Колокольни, животные, зрячие и слепцы,
Океаны, планеты, прозрачной реки губа,
Потерпи и рвани, и тогда самого себя
Неприменно достанешь, тебе не хватает сил
Или кончилась нитка... ты стонешь, ты все забыл,
И рука сорвалась, запекаясь, застыла кровь...
Та же тонкая нитка покажется завтра вновь.

* * *

Пусть ребенок, по залам музейным гуляющий,
Позабудет на миг о приличьях и мере.
Кем покажется Кронос, детей пожирающий?
Что расскажешь ему о безрукой Венере?
Удивленный малыш искушенного взрослого
Пусть тогда ни за что не оставит в покое,
Пусть вздыхает, кричит, донимая вопросами:

«Им же больно? Ну, мам... А зачем и за что их?»
Пусть увидит хотя бы на этом, недвижимом,
Возмущаясь и громко с невидимым споря,
Сколько в мире разбитом несчастных, обиженных,
Сколько боли, разлуки, терпения, горя.
Я дойду с малышом до сияющей лестницы,
Дома он у экрана смешно и невинно
Ткнет внимательным пальчиком в алое месиво:
«Мам, а это вот... статуя или картина?»»

* * *

Разложится тело, и тень его вместе с ним
Растаять должна, раствориться, как сизый дым,
Но логике вновь постигать умирание лень,
И все, исчезая, свою оставляет тень.
Пусть здравому смыслу и физике вопреки
Останется в воздухе медленный жест руки.
И, словно в стакане с водой голубая взвесь,
Останется тень, повторяя: «Ушедший здесь...»
Клочок негатива, как прежде, не проявить,
От инфинитива звучащего кратко — «жить»,
Останется эхо, широкая ткань с дырой,
Провал и прореха... молчи и глаза закрой.
А если и вправду забвенью покой несет,
И мысли о жизни за смертью уже не в счет,
Возьми мой остаток, присядь, не гаси огня,
Придумай меня, сочини, воскреси меня.

* * *

Ты будешь, как есть, даже если возможность быть
Отнимется у другого по умолчанию,
Ты будешь — и точка... Не надо тихонько ныть,
Не нянчись впустую с капризной своей печалью.
И не о чем думать и нечего понимать,
И нечего ждать предсказания и подвоха,
Ты жив, слава Богу, здоровы отец и мать,
А это, при прочих неравных, не так уж плохо.
Горит бытие, будто соли слепой кристалл,

И не извиняйся за то, что опять не в силах
Себя изменить, потому что ты всех достал,
А те, кто достойней, сто лет как лежат в могилах.
Терпи и не жалуйся, пусть на твоём пути
Встают постоянно знакомые, злые тени,
Пройди их насквозь, прошептав про себя: «Прости».
Не думай, что кто-нибудь сильный тебя заменит.
Пенять на болезни и счет предъявлять судьбе —
Всегда слишком просто... Ты — шлак, издающий звуки.
Ты вынесешь жизнь непосильную на себе,
И жизнь, улыбаясь, к сиянию поднимет руки.

* * *

Не поможет убежище,
Вьюге не скажешь: «Кыш»,
Это чудище-снежище
Валится с неба, с крыш.
Открываются клапаны,
Шлюзы во мгле ночной
Серебристыми лапами,
Им не прикажешь: «Стой»!
Руки ветра развязаны,
Сниться готовы сны,
Это было предсказано
В час золотой луны,
Это ежится, зиждется
На простоте слогов
От Омеги до Ижицы
В каждом из языков.
Если б знала, ты, Милая,
Что у меня внутри
Только горечь унылая...
Господи! Не смотри!
Вот вам тема увечная:
Горсть и клочок земли,
Жизнь одна, бесконечная,
Новой не припасли,
И судьба не пророчится
И календарь забыт,

Говорить бы, — не хочется,
Снег заводной летит.

* * *

Вопреки десяткам тысяч версий,
Жизнь, как прежде, превосходит все.
Ты, не успокоенное сердце,
Скачешь красной белкой в колесе.
Ты не знаешь праздничных традиций,
К паузе дыханья не готовь.
Почему не хочешь ты трудиться,
Просто перекачивая кровь?
В физиологической неволе,
Будто у незримого в руках,
Ты опять сжимаешься от боли,
Точно тень свою, встречаешь страх.
Не оставишь ты меня в покое,
О себе напоминая здесь,
Оттого, что где-то есть иное,
Потому что где-то нежность есть.

* * *

Далеко, в вышине, где бывали и я, и ты,
В черных дырах гуляют космические кроты,
И мерцает то розовый, то изумрудный пар,
Где медузоподобный стучится во тьму квазар.
В этой тьме две жемчужины света, забыв покой,
Словно капельки ртути, стремятся одна к другой,
И, прыжком расстоянье и время преодолев,
Вновь сцепившись хвостами, стоят козерог и лев.
Жаль, что этого, милая, не разглядеть с земли...
Ведь отсюда гигантские звезды — не больше тли,
Стоголосая ночь притворилась немой — молчок,
И горит полумесяц, как у рыбака крючок.
Только, знаешь, по-прежнему, если стоишь за мной,
Снова чувствую тень от крыла за моей спиной,
И опять забывая про немощь и боль свою,
До любого созвездия пальцами достаю.